

**ОТРЫВОК ИЗ «ДИВАН АЛ-МАМНУН»
(ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ В ССЫЛКЕ) АЛКАДАРИ (1)**

В конце раби'-ал-аввал 1296 г. (в начале марта 1879 г.) вызвал меня начальник Кюринского округа майор Иван Моисеевич Асатуров (тифлисский армянин) и сообщил, что издан указ (фурман) от главнокомандующего (сардар ал-а'зам) из Тифлиса, господина генерала от инфантерии Михаила Николаевича... о ссылке (тагриб) некоторых офицеров и князей (эмиров), вызвавших недоверие неисправным несением службы царской России во время восстания жителей Дагестана в 1294 (1877 г.), в районы России для поселения там под надзором полиции до распоряжения министра внутренних дел. В списке подлежащих к ссылке был и я, и поэтому мне необходимо было подготовиться к отправке: в течение трех дней явиться в «присутствие» коменданта г. Дербента с запечатанным письмом, данным мне Асатуровым. Я в тот же день возвратился домой в с. Алкадар, подготовил то, что необходимо для поездки; раздобыл все нужное и, захватив с собой человека, который вернется в селение с моей лошадью, поехал в начале месяца раби'-ас-сани в г. Дербент.

Я остановился в доме моего великодушного кунака хаджи Алигасана, сына хаджи Оруджа, и на следующее утро отправился в «присутствие» коменданта Дербента генерала Мадатова, передал ему письмо начальника Кюринского округа.

Комендант Дербента приказал мне, чтобы я проживал в городе до тех пор, пока не будет организована отправка партии (ссылных), с которыми и я должен ехать. Он сообщил мне, что в партию, с которой я должен отправиться, входят: из северного Табасарана – штабс-капитан Агабек, сын Исакади из Рукеля, из Кайтага – Абуджалилбек, сын покойного Талхабека из Чумли, из Самурского округа – поручик Абдулабек, сын Юсуфа из Хрюга (ал-Хурики) и прапорщик Гасанханбек, сын покойного Абумуслиббека из Рутула, из Кюринского округа – Нухбек, сын покойного Джабраилбека из Зухрабкента, и из города Дербента – Имранбек и Гусейнбек, сыновья Расулбека. Еще он сказал, что издан также указ о ссылке капитана Гаруна-эфенди, сына покойного Камил-кади, штабс-капитана хаджи Исы, прапорщика хаджи Умахана, сына Мирзазакария из Казикумуха, и также прапорщика Абидбека из Балакани, подпоручика Абдулла-будая из Кегера, подпоручика Шахава из Анцуха, подпоручика Хаджиясул Мухаммеда из Гоноха. Далее он сказал, что все они отправляются в Харьков, где будет произведено их распределение и отправка каждого в отдельности в один из населенных пунктов средней России. «Поистине мы все принадлежим Аллаху и к Нему же возвратимся» (Коран. 2:155) (2), и «Он лучший хранитель – милостивый и милосердный!» (Коран. 12: 63).

Из канцелярии коменданта Дербента я пошел в дом моего дербентского кунака, упомянутого выше хаджи Алигасана, и оставался у него 27 дней в ожидании подготовки нашего убытия. В те дни меня навестили друзья из разных мест; меня посетил почтенный хаджи Файзуллах-ахунд Дербентский, чтобы попрощаться со мной: он попросил меня написать ему о своей семье и близких, оставшихся в моем доме после моей ссылки в Россию, для того, чтобы ему быть с ними в знакомстве, так как он был знаком со мною. Я ему написал в стихотворной форме следующее о моей семье: «Господин светлейший и блистательнейший ученый хаджи Файзуллах! Да сопутствуют тебе мир и благополучие! Среднего же брата моего зовут Хусейном, и он здесь при мне. Брат, который в Алкадаре сейчас, по имени Мухаммед, – самый младший.

Дети мои, оставшиеся в растерянности от тревоги большой, обрушившейся на них, Ахмад самый старший, после него – Муслим, который сейчас в Петербурге, за ним идет Убейдуллах, за ним – юный Абдуали, уехавший в Шуру учиться, следующий

Абдурахман, приступивший уже к чтению Корана, последний Абдулатиф – еще только отнятый от груди, проводит время в играх. От вас для них я бы желал, чтобы вы их поминали в молитвах, чем окружали заботой в мирских делах. И к Мамнуну (литературный псевдоним Г. Алкадари. – Авт.) судьба несправедлива, он гоним на чужбину и унижен».

27 числа этого раби' ас-сани 1296 (23 апреля 1879 г.) комендант Дербента сообщил нам, что завтра прибудет пароход, предназначенный взять нас на борт для отправки из Дербента в Россию, и нам необходимо собраться вечером 27 в городской тюрьме, расположенной на побережье моря. Мы собрались, и на следующий день в понедельник пришел пароход. Это было 10 апреля 1879 г. по российскому календарю (старый стиль. – Авт.), и нас погрузили на пароход. Мы – это я, Нухбек из Зухрабкента, Имранбек и Гусейнбек из Дербента, Агабек из Рукеля, Абдулабек из Хрюга, Гасанханбек из Рутула, Абдулжалилбек из Чумли. Снабжение провизией в нашей поездке производилось за счет казны Российского государства. Несмотря на это, Агабек из Рукеля в свое сопровождение взял за свой счет слугу своего, знающего русский язык односельчанина по имени Мухаммад, сына Будая.

Пароход отчалил с нами на борту вечером того же дня, направляясь к Петровску, где остановился на некоторое время и затем поплыл в сторону Астрахани (Хаджи-Тархан).

В среду во время восхода солнца, падавшего на 30 раби' ас-сани (25 апреля), мы доплыли до Астрахани.

Нас сопровождали четыре конвоя, посланных комендантом Дербента, которые в Астрахани сняли нас с парохода и доставили в тюрьму, представляющую собой крепость, где содержалось множество заключенных.

В астраханской тюремной крепости нас навесит начальник тюрьмы полковник Вучетич, являясь прежде комендантом с. Ахты, он имел знакомства с нашими ахтынскими друзьями и в особенности с Гасанбеком из Рутула. Он оказал нам всяческое почтение и доброту, поместив нас в удобное жилье. На другой день мы были гостями в его доме, и он подарил каждому из нас свою фотографию (дарение фотографии было у русских знаком уважения и дружбы). Вечером следующего дня он провожал нас при посадке на пароход, плывший по реке Волге (Идил) на Царицын. Мы достигли города после двух ночей, проведенных на пароходе. На этом пути нас сопровождал также конвой из 4-х человек.

Интересный случай, происшедший на пути: между Астраханью и Царицыным я был занят чтением некоторых книг «о знании сокровенного и заклинаний», бывших при мне. Я нашел там место, предсказывающее пользу очутившемуся в скорби и беде, если написать на бумаге: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного от слабого и смиренного раба к славному благодетелю. Поистине я несчастен, а ты, самый милосердный, сними скорбь и рассея тревогу!» Затем эту бумагу опускают в проточную воду. И это не более как попытка, чтобы утешиться. Я усвоил, как это делается, и, написав такую бумагу, бросил в проточную воду Волги (Идила), идущей из стороны русской в Хазарское море. Когда я бросил бумагу в воду, увидели русские стражники то, что я сделал, и набросились на меня, допытываясь, что я написал и кому я написал. Они стали обсуждать это, как у них принято, как будто подозревая меня, что я написал что-то крамольное и послал к определенному человеку таким тайным путем. Я им ответил, что я написал заявление-жалобу на имя Господа миров, чтобы Он меня утешил и избавил от угнетений угнетателей, навлекших на нас беды. Кажется, поверили мне. Я им сказал: «Возьмите эту бумагу, если вы не верите моим словам, посмотрите, что там». – «Если мы не сможем взять ее из пучины воды, то как же мы узнаем, что там?» – ответили они. Я им сказал: «Если вы не можете взять ее, то другой человек, которому по вашему обвинению я послал, как же ее возьмет? И какой ущерб от того, что я написал письмо и бросил в бездну воды или огня?» После долгого спора наконец они замолчали...

Нас задержали в Царицыне на две недели в здании тюрьмы с бесконечными помещениями, где были заключены по многочисленным обвинениям мусульмане из различных мест Кавказа, среди которых был один храбрый человек, известный как абрек по имени Абдулгаффар из Бедюка, прославившийся как покровитель и правовед подвластных ему селений, называемый Малла Пирназар, и певец, хорошо владевший своим искусством и имевший приятный голос, выходец из Ширвана по имени ашуг Манаф. Он пел нам своим красивым голосом удивительные мелодии. Песня была милее всего, ибо она обогрела мысль и вызвала грусть. Этот певец попросил меня сочинить ему стихотворение на тюркском языке. И я выполнил его просьбу... По истечении двух недель нас повезли из Царицына по железной дороге в г. Козлов, где между этими городами мы провели одну ночь в пути. В козловской тюрьме нас содержали пять дней, и затем помчали опять по железной дороге и за ночь доставили в Орел. В орловской тюрьме оставили нас двенадцать дней и затем за одну ночь доставили в Харьков. В Харькове наше пребывание в тюрьме продлилось месяц. Однако нам разрешили ходить по необходимости на рынок и осмотреть город. Управителем (хакимом) там был высокопоставленный чиновник, который именовался генерал-губернатором. Им оказался знакомый нам ранее генерал-адъютант граф Лорис-Меликов. Во время нашего пребывания в харьковской тюрьме в этот город приезжал русский император Александр Николаевич, и мы с разрешения упомянутого генерал-губернатора написали прошение (кагиз арида) на имя Государя, чтобы он указал рассмотреть наши дела на суде с тем, чтобы выявить истину, запретить применять насилие к нам из-за подозрения и ложных доносов разгневанных нижних чинов. Пришел нам ответ, что распоряжение властей сослать нас по подозрению согласовано с законами государства, и мы наказаны ссылкой из-за действий, совершенных людьми нашего ранга во время восстания. Срок ссылки определяется по усмотрению министра внутренних дел до времени перемены поведения сосланных лиц, чтобы подобные нам извлекли урок и т. д. Значит, инспектор согласно его ответу усмотрел, что решение принято справедливо, и не заметил в нем произвола.

Дело в том, что в харьковской тюрьме заключенных по обвинению в бунте и в нарушениях в службе русскому государству во время военного положения было около 900 человек, большинство из которых – жители пограничных русскому государству областей Грузии, Абхазии и крепости Сухуми. Мусульман среди них было около 20 человек. Как составить на них правильное следствие, не учитывая мнение их непосредственных начальников? По каким особенностям можно одних предпочесть перед другими? И в результате, когда мы убедились во всеобщем несчастье и безответственности властей на наши многочисленные жалобы, то мы стали уповать в этих делах на доброту Господа всевышнего – Творца земли и небес.

Мусульмане, бывшие в Харькове, рассказали нам, что командующий турецких войск в крепости Плевна Гази Осман-паша (турецкий вице-адмирал получил титул «гази» за бой 18 июня 1878г., командуя обороной крепости Плевна. – Авт.), вынужденный сдать Плевну Его величеству Русскому Императору и попавший в плен к нему, был послан царем в этот город (Харьков. – Авт.) и отсюда в Москву с почетом и уважением, а после заключения перемирия он возвращен в Турцию. Осман-паша по поводу жестоких сражений и кровопролитных боев между Турцией и Россией продекламировал следующие стихи: «Хоть разрушатся города в дни мятежные, мощью и силою Всевышнего вновь обретут еще ярче свой блеск». Эти стихи понравились мне, доставили утешение, и я их привожу здесь для воспоминаний.

Из Харькова мы по железной дороге поехали обратным движением до Орла и оттуда в Козлов (г. Козлов и упомянутые далее гг. Кирсанов, Саранск, Спасск, Шацк, Темников, – уездные центры Тамбовской губернии. – Авт.), где мы нашли кумухцев Гаруна, хаджи Ису и хаджи Уммахана, поселившихся в этом городе под полицейским надзором. Они рассказали нам, что других товарищей из лакцев и аварцев поселили тоже в населенные пункты вблизи Козлова. Мы последовали далее из Козлова в

Тамбов. Расстояние между этими городами равно трем часам езды на поезде. На следующий же день после приезда в Тамбов нас доставили в «присутствие» губернатора, который уведомил нас, что мы должны жить под полицейским надзором в одном из населенных пунктов этой губернии, и местом жительства для меня, Нухбека, Агабека из Рукеля, Гасанханбека из Рутула и Абдулабека из Хрюга он назначил городок (бальдат) Спасск. Местом жительства для Абдулжалилбека из Чумли, Имранбека и Гусейнбека из Дербента был определен населенный пункт Кирсанов.

Губернатор дал указание освободить нас из-под охраны, избавить от заточения в тюрьмах и велел поселить в казенном доме на берегу большой реки, протекающей в этих местах и известной под названием Цна. Губернатор установил каждому из нас деньги для пропитания по 20 коп. в день, которые выдавались на руки в начале каждого месяца наличными в сумме шести рублей.

Прежде чем перебраться в Спасск, мы около шести дней отдыхали в Тамбове, затем наняли конную упряжку и отправились туда, куда нам полагалось поселиться. Я и четыре моих товарища после двух дней пути из Тамбова 22 рабжаба 1296 (11.07.1879 г.) прибыли в Спасск. Все по велению Аллаха – и то, что было, и то, что будет! Я написал оттуда нашим родным и близким в Дагестане следующие стихи: «О мои любимцы и мои братья в Баб ал-абвабе (Дербенте) и в Дагестане...» (Здесь полностью стихи Гасана Алкадари не переводятся. – Авт.).

В рамадане того же 1296 г. (в августе–сентябре 1879 г.) к месту нашего поселения в местечке Спасск пригнали новых ссыльных, среди которых оказался один из селения Катыл Джаро-Белоканского округа по имени Малламухаммед, сын Малламухаммеда. Он был сослан на пять лет за то, что, будучи муталимом, убил армянина (в драке, подстрекаемой окружающими). Сам он происходил из рода известного наиба во времена Шамиля – Бакрак Мухаммедали, да помилует его Аллах Всевышний. В Спасске он приступил к изучению книги «Шарх Талхис ал-Мифтах» под моим руководством и продолжил учебу до возвращения из ссылки... В Спасске мы нашли купца-мусульманина, проживающего здесь с семьей, по имени Рахматулла. У него было два сына, Амин и Абдурагим. Они крутились постоянно около нас, оказывая нам всевозможное содействие в наших повседневных заботах.

Из переписки с подобными нам сосланными из Дагестана в Россию по обвинению в участии в восстании и по другим причинам мы узнали, что в г. Саратове находились известный ученый из Ксана Акамирза-Эфенди, сын Малламухаммеда, служители (мечети): хаджи Рамадан из Штула вместе с семьей, ученый Маллахаджи из Ахты, ученый хаджи Малламас'уд из Ахты. В Ялатме отбывали ссылку Хаджихан-Эфенди из Хадра, в г. Саранске – ученый Хаджизаки-Эфенди из Маджалиса и Пир-Эфенди из Тагира, в местечке Шацк – Абдулазиз, сын Гусейна из Куркента, в местечке Красная Слобода – Мухаммед-Алибек, сын Ханкишибека из Зейхура, и Маллабудула из Акура, в местечке Кадум – ученый хаджи Айди-Эфенди из Казанища и ученый Малла-Исмаил из Ялака. Последние оба уже шесть лет находились в ссылке за открытое распространение в Дагестане тарикатско-накшбандийского учения. Поступило к нам письмо и из самого дальнего сибирского города Иркутска от благородного Мирза-Газанфара, сына покойного Зульфугара, о том, что он и его товарищи – касумкентцы Абдулгафар, сын Мухаммедрасула, и Дадаш, сын Гани, сосланы также за участие в восстании.

В начале 1297 (вторая половина декабря 1879 г.) произошла моя встреча с известным среди мусульманского населения центральной России ученым хаджи Фахруddином, сыном покойного Мулла-Муртазали из селения Большой Пашали уезда Темников Тамбовской губернии, когда он прибыл в Спасск, возвращаясь из хаджа. Он был человеком пожилого возраста, приближающимся к семидесяти годам жизни, многократно совершал хадж и был удостоен права наставления тарикатско-накшбандийского учения живущим в Медине шейхом Мухаммедом Мазгаром ал-Фаруки ал-Ахмади ал-Накшбанди – да возвысит Аллах Всевышний их достоинства в обоих мирах! Впоследствии ввиду близости его селения со Спасском стали частыми

его посещения к нам и общения наши с ним. Он имел двух сыновей, работавших в их селении, имена которых Ибрагим-Эфенди и Мифтахаддин-Эфенди. Они также бывали у нас часто и настолько сблизились со мной, что стали на положении моих близких родственников в исполнении всяких дел, связанных с моей жизнью в тех краях.

В начале этого же 1297 г. (вторая половина декабря 1879 г.) умер в Спасске наш товарищ из Рукеля Агабек, сын Исакади. Он был уже в преклонном возрасте – около семидесяти лет. Мы похоронили его на отдельном кладбище, предназначенном для мусульман, на западной окраине населенного пункта – да помилует его Аллах. Слуга его возвратился на родину. Причиной смерти покойного была быстротечная болезнь, поразившая его в конце месяца раби‘ аваль этого года (февраль 1880 г.).

Мне пришло ответное письмо от моего дорогого двоюродного брата по матери Малламухаммеда, сына покойного хаджи Амирали – кадия Касумкентского суда. В письме он подробно излагал мне обстоятельства родственников, оставшихся в Дагестане, и о переменах, происшедших после нашей ссылки.

В начале месяца джумада ал-ахира 1297 (май 1880 г.) по распоряжению властей прислали за счет казны по месту нашего поселения некоторых членов наших семей. Они доехали спокойно и благополучно. Из членов моей семьи, приехавших ко мне, были: моя жена Салихат, дочь Абдулгани из Ярага, из детей: Абдуллах в возрасте 15 лет, Абдурахман – 11 лет, Абдулатиф – 5 лет, дочери: Райханат – 7 лет, Абидат – 2 года. С ними приехал для их доставки Ахмед, мой старший сын от первой моей покойной жены Эрзи, дочери покойного хаджи Салима-Эфенди. Затем он вернулся домой к своей семье: жене – Тикезбан, дочери покойного Шихрагима Стальского, сыну Абдурагиму в возрасте двух с половиной лет и дочери Айнаханум – шести лет. Что касается моего сына Абумуслима, то он тогда находился на службе в Петербурге, а другой Абдуали – в Темирхан-Шуринском училище. Абумуслиму тогда исполнился 21 год, Абдуали было лишь 13 лет. В Дагестане остались моя дочка Хафсат, отданная замуж в 1296 (1878/79 г.) за касумкентца Аслана, сына Султана.

Посылка властями к нам наших семей еще более увеличила тревогу и беспокойствие. На нас легла большая тяжесть забот из-за отсутствия материальной помощи и из-за этих российских холодов, непривычных нашей природе. Однако последовало указание властей о выдаче взрослым членам семьи денег на пропитание в каждый месяц по 6 рублей и каждому, не достигшему совершеннолетия, – половину этой суммы, т.е. 3 рубля. Кроме того, наши семьи, реализовав кое-что из домашнего имущества в Дагестане, привезли кое-какие сбережения.

В начале 1298 (1881 г.) в России произошли удивительные события: был убит в Петербурге государь император Александр Николаевич взрывным снарядом членами подпольной враждебной (царскому режиму) организации. Покушавшийся был арестован. На трон Российского государства посадили наследника престола – сына его Александра III.

Вблизи Спасска находилось мусульманское с. Сургоди с двумястами дворами и тремя мечетями. Между почитаемыми и учеными людьми этого села и нами установились частые встречи и дружеские отношения. Правоведами (факихами) в селе работали: мулла Мирзахан, сын муллы Абдулфатиха, мулла Абубекр, сын муллы Гасанаддина, мулла Абубекр, сын Мусы. Немного далее от Спасска лежало с. Усна (мусульманское). Их имама звали Судруддин, сын муллы Абдурахмана, ученого – мулла Изуллах, сын Усмана. В Танище (мусульманском селе) правоведем был мулла Нигматуллах, сын муллы Ихсана; в с. Юнки (мусульманском) – мулла Абу Абубекр, сын Яхьи; в с. Качатовка (мусульманском) – мулла Насруддин, сын Мухаммадрахима; в с. Тархан – почтенный человек по имени мулла Джалалуддин, сын Мухаммеда; в с. Гурнака – мулла Селимджавхар, сын муллы Демирбулата; в с. Айди – почтенный человек из княжеского рода (князь) Абдулхаким, сын покойного хаджи Ниматуллаха Янкиева. Частыми были наши встречи с ними, и помощь они нам оказывали щедрой, ибо «Аллах, если предопределяет чего-нибудь, то подготовит для его осуществления

пути, уму непостижимые...!» (Коран. 10:23). Главным, кого они послали для оказания уважения ко мне, был человек, известный ученостью (хаджи), – Фахруддин Урманигаев, проживающий в с. Большой Пашали, о некоторых его достоинствах я упомянул выше. Он часто приезжал в Спасск и в мое жилище. Он обучал меня некоторым молитвам. Это меня обязывало поблагодарить его, и поэтому я написал ему эти строки (далее стихотворение на «йа» и «мим». – Авт.).

Сосланный в Иркутск ученый Мирзагазанфар из Мамраша прислал письмо примерно с 25 вопросами по проблемам мусульманского правоведения, необходимыми верующим (подобным ему), не имеющим доступа к книгам и не контактирующим с квалифицированными учеными-правоведами. Я отослал ему письмо с ответами 12 раби' ас-сани 1298 (15 марта 1881 г.).

Ученый Агамирза (из Каани) из Саратова написал мне 14 раби' ас-сани 1298 (17 марта 1881 г.) письмо в стихах, утешая и сообщая об обстоятельствах своих и друзей-земляков наших, отбывающих там с ним ссылку.

В месяце раби' ал-аввал, 9 числа, благословенного 1300 (19 января 1883 г.) князь Абдулхаким Янкиев пригласил меня на рождество пророка («мавлид аш-шариф»), и я поехал в сопровождении купца из с. Кадиш по имени Сайд, сын Джафара. По пути мы провели ночь в с. Пеньки в медресе учителя мальчиков муллы Мухаммеда, и на второй день 1 числа раби' ал-аввала (10 января 1883 г.) ко времени назначения моего прибытия мы и доехали до места. В лице хозяина я нашел человека состоятельного и довольного своим положением. Он оказывал мне почтение, превосходящее мои заслуги и 11 числа (21 января 1883 г.) в его дом приехало множество ученых людей из окружающих селений и прочих обществ. Прибыл также упомянутый ученый-шейх хаджи Фахруддин. С проведением празднования совпало и производство обряда обрезания (хитан, сунат) четырьмя сыновьям князя – Мухаммедгусейну, Мухаммедкасымхану, Мухаммедшакиру и Мухаммедхафизу. Вечером 12-го (22 января 1883 г.) хозяин устроил всеобщее угощение, оказав большую любезность присутствующим гостям, и была прочитана касыда «ал-мавлид» и благотворительные молитвы.

Я же прочитал им благодарственное стихотворение, составленное мною в честь нашего гостеприимного хозяина. Он переписал мое стихотворение на плотной бумаге большими буквами, и, заключив в специальную рамку со стеклом, повесил на стену своего дома, где состоялся прием гостей на память об этой встрече. У него, кроме упомянутых сыновей, не было больше детей мужского пола. Ему было 56 лет, он прослужил Российскому государству на ряде высоких должностей, путешествовал по России, ездил в мусульманские страны, бывал в Стамбуле.

Жен у него было две. Одна – знатная женщина, дочь Абдулмаджида, другая – старшая жена, женщина редкой красоты, дочь Ибрагима. От последней была дочь Фатима, которая была замужем за Хасаном, сыном Мухаммеджана, жившего в с. Айки, расположенном вблизи с. Адай, и на второй день (после мавлида) мы гостили у этого Хасана (зятя князя). У него жив был и отец, и дед Саид-Джафар, сын Бекбулата, происходивший из княжеского рода, прозванный джамаатом тех селений Мурзой Мурадовым. У Саид-Джафара, кроме Мухаммеджана, были еще сыновья, один из которых – мулла Шарафуддин, приходившийся зятем хаджи Фахруддину, второй – Абубекр, третий – Фахруддин. В с. Акаш гостем нашим был Мухаммедгирей, сын Аюба, с братьями Джагангиреем и Ибрагимом. Имамом в том селе работал мулла Фатхуллах, сын муллы Хормшаха. Из этой поездки мы вновь возвратились в дом нашего основного гостя в этих краях – Абдулхакима и остались там четыре ночи. Затем нас всех забрал хаджи Фахруддин к себе в с. Большой Пашали. Одну ночь мы там переночевали, испытав на себе также крайнюю любезность и гостеприимность и сыновей его – Ибрагима и Мифтахаддина. Там состоялось мое знакомство с его гостями и зятем – муллой Абдулазизом, сыном муллы Юсуфа из с. Янки, а также с муллой Сабитом, сыном муллы Ахмада из с. Янки. Последний имел прозвище своего племени Мамлаев. Еще я там познакомился с муллой Зиявуд-дином Маммаевым из жителей с.

Тархан, муллой Гиббатуллахом и его сыном – муллой Сабирханом – из жителей Большой Пашали. На другое утро я их проводил и вернулся в Спасск. В селении имелись школы (медресе) хаджи Фахруддина и его сыновей. В пути и во время встреч я писал много и составил стихотворение о школах шейха нашего Фахруддина...

ЛИТЕРАТУРА

1. Диван ал-Мамнун» Гасана Алкадари. Перевод Х.А. Омарова осуществлен с حسن الالقدرى. دوان الممنون. Темир-Хан-Шура, 1913.
2. Коран / Пер. с арабского Крачковского И.Ю. Л., 1963.